
МЯСО БЫЛО СВЕЖИМ
БОЛЬШАЯ ВАЛДАЙСКАЯ ТРОПА
МЯСО БЫЛО СВЕЖИМ

МЯСО БЫЛО СВЕЖИМ

Содержание

Часть Первая — 21 октября

Часть Вторая — 22 октября

Часть Третья — 23 октября

Часть Четвёртая — 24 октября

Часть Пятая — 25 октября

Часть первая
21 октября

Существуют путешествия, которые предпринимаются ради созерцания природы, существуют путешествия, предпринимаемые ради укрепления тела и духа, и, наконец, существуют путешествия, истинная цель которых становится ясна лишь тогда, когда возвращение из них начинает представляться делом весьма сомнительным. К последней категории, как я теперь склонна полагать, принадлежала наша поездка на Большую Валдайскую тропу, предпринятая двадцать первого октября — в тот прискорбный период года, когда лето уже окончательно отказывается от своих прав, а зима, ещё не вступившая в законное владение землёй, тем не менее начинает распоряжаться ею с самоуверенностью наследника, давно ожидающего смерти престарелого родственника.

Впрочем, в тот вечер мы не подозревали о предстоящих затруднениях. Мы были полны надежд, а наши рюкзаки — вещами, без которых, как нам казалось, невозможно обойтись ни при каких обстоятельствах. Последнее обстоятельство обнаружилось ещё до начала путешествия.

В тот вечер мы не подозревали о предстоящих затруднениях

За рулём сидел Алексей Катков. Рядом с ним, расположилась я. Алексей Рыбаков и Татьяна Демьянова занимали заднее сиденье

Один из рюкзаков не поместился в багажник автомобиля Алексея Каткова.

Я не склонна преувеличивать значение бытовых затруднений. Однако было бы несправедливо умолчать о том, что именно этот рюкзак, которому впоследствии предстояло сопровождать нас на заднем сиденье, с самого начала занял в нашем предприятии положение, поразительно напоминавшее положение незваного гостя в публичном доме: его присутствие было неудобно, его удаление представлялось невозможным, а причины, по которым он оказался среди нас, никто не желал обсуждать.

За рулём сидел Алексей Катков. Рядом с ним, на переднем пассажирском сиденье, расположилась я, Оксана Радченко. Алексей Рыбаков и Татьяна Демьянова занимали заднее сиденье, где им приходилось делить пространство с упомянутым предметом багажа. Рюкзак, надо признать, оказался весьма молчаливым спутником; в отличие от людей, он не выражал недовольства, хотя занимал места достаточно, чтобы недовольство стало вполне оправданным.

В семь часов вечера мы покинули Москву.

Город ещё светился огнями, но за его пределами ночь быстро вступала в свои права.

В свете фар мелькали дорожные знаки, редкие придорожные строения и деревья, чьи голые ветви казались особенно чёрными на фоне пасмурного неба. В салоне было тепло. Мы разговаривали о предстоящем походе, обсуждали вещи и постепенно оставляли позади всё, что могло бы напомнить нам о привычном укладе жизни.

Алексей Катков спокойно вёл автомобиль.

Он принадлежал к той разновидности людей, чьё самообладание способно вызвать уважение даже у тех, кто не располагает достаточными сведениями о причинах этого самообладания. В его движениях не было суетливости, в голосе — раздражения, а в обращении с рулём — той нервной поспешности, которая обычно свидетельствует о том, что водитель не вполне уверен в избранном направлении. Он смотрел на дорогу с выражением человека, для которого всякая дорога, независимо от её состояния и назначения, представляет собой лишь очередную задачу, подлежащую решению.

Алексей Рыбаков достал бутылку белого вина.

В наших обстоятельствах это действие не сопровождалось ни торжественными приготовлениями, ни церемонией, достойной семейного портрета.

Алексей Рыбаков достал бутылку белого вина

Бутылка была открыта, и вино пошло по кругу

Бутылка была открыта, и вино пошло по кругу. Мы пили прямо из горлышка — способ, который в иных обстоятельствах мог бы показаться недостаточно изысканным, но в дороге обладает несомненным преимуществом: он не требует ни посуды, ни её последующего мытья, ни обсуждения вопроса о том, кому достанется последний чистый стакан.

Алексей Катков от вина отказался.

— За рулём не пью, — объяснил он.

В его ответе не было ничего предосудительного. Более того, с точки зрения общественной морали он заслуживал одобрения. Я не собираюсь утверждать, будто отказ от вина сам по себе указывает на какие-либо тёмные намерения; иначе пришлось бы признать подозрительными значительную часть добропорядочных водителей и, вероятно, несколько поколений людей, предпочитавших чай спиртным напиткам.

И всё же я почему-то запомнила именно этот момент: бутылку, переходившую из рук в руки, и Алексея Каткова, который продолжал вести машину, не проявляя ни малейшего интереса к нашему нехитрому дорожному удовольствию.

Первую заброшенную деревню мы увидели уже в темноте.

Дома стояли вдоль дороги, отделённые друг от друга покосившимися заборами и участками земли, на которых давно никто не пытался поддерживать порядок. В некоторых окнах сохранились стёкла, в других зияли тёмные проёмы. Калитка одного из домов медленно двигалась от ветра, ударяясь о столб с равномерностью, напоминавшей нетерпеливый стук человека, который слишком долго ждёт, пока ему откроют.

Я повернула голову.

— Здесь кто-нибудь живёт? — спросила Татьяна Демьянова с заднего сиденья.

Алексей Катков слегка сбавил скорость.

— Уже нет.

Он сказал это так просто, что я не сразу поняла, почему ответ показался мне неприятным. Возможно, дело было в самой деревне: в её пустых окнах, в занавесках, оставленных за стёклами, в ощущении, что люди не столько покинули свои дома, сколько прервали какое-то занятие и обещали вернуться, но затем забыли, куда направлялись.

Первую заброшенную деревню мы увидели уже в темноте

Вскоре мы увидели церковь

— Давно? — спросила я.

— Достаточно, — ответил Алексей Катков.

На этом разговор закончился.

За первой деревней последовала другая, а затем ещё одна. С каждой из них мне всё сильнее казалось, будто мы движемся не столько сквозь пространство, сколько вглубь времени, причём время это не было ни прошлым, ни настоящим, а представляло собой нечто промежуточное, где привычные события уже завершились, но никто ещё не позаботился сообщить об этом тем, кто продолжал жить по старым правилам.

Впрочем, подобные рассуждения легко приходят в голову человеку, который долго сидит в машине и смотрит в темноту.

Я постаралась думать о более практических вещах.

Вскоре мы увидели церковь.

Она стояла в стороне от дороги, окружённая несколькими старыми деревьями. Штукатурка на стенах облупилась, крыша потемнела, а над куполом возвышалось пустое крепление, на котором, по всей видимости, когда-то находился крест.

Я не знаю, почему именно этот предмет привлёк моё внимание. В заброшенной церкви можно найти множество поводов для печали: разрушенные стены, выбитые окна, следы запустения. Но отсутствие креста казалось мне не просто результатом времени или человеческого вмешательства. Оно производило впечатление намеренного изъятия, словно кто-то не удовлетворился тем, что здание оставили, и пожелал лишить его последнего признака того, чем оно прежде было.

— Почему здесь нет креста? — спросила я.

Алексей Катков взглянул на церковь.

— Сняли, наверное.

— Зачем?

Он пожал плечами.

Алексей Рыбаков с заднего сиденья предположил, что крест могли сдать на металлолом. Это объяснение было достаточно прозаичным, чтобы показаться правдоподобным, и достаточно неприятным, чтобы я предпочла больше о нём не думать.

Впрочем, дело было даже не в том, почему крест исчез.

— Почему здесь нет креста? — спросила я

Навигатор перестал работать немного позже

В конце концов, у всякого исчезновения есть своя история, и далеко не каждая из них заслуживает того, чтобы её выяснять. Меня тревожило другое: церковь выглядела так, словно люди оставили её на произвол судьбы, но кто-то всё-таки нашёл время и причину снять с неё крест.

Я продолжала смотреть на пустое крепление, пока церковь не скрылась за поворотом.

Навигатор перестал работать немного позже.

Сначала исчезла линия маршрута. Затем экран сообщил об отсутствии соединения, а телефон перестал находить сеть. Мы оказались в одном из тех мест, где современная техника, столь уверенно распоряжающаяся человеческой жизнью в городах, внезапно обнаруживает свою зависимость от невидимых условий.

— Отлично, — заметил Алексей Рыбаков. — Теперь у нас будет возможность узнать, насколько хорошо мы умеем ориентироваться без помощи цивилизации.

— Ты умеешь? — спросила Татьяна Демьянова.

— Я умею уверенно выглядеть человеком, который умеет.

Мы рассмеялись, и на несколько минут всё снова стало обыкновенным.

Алексей Катков, однако, не выглядел обеспокоенным. Он продолжал вести машину, хотя дорога постепенно становилась уже, а покрытие под колёсами всё меньше напоминало то, что обычно подразумевают под дорогой.

Ветви деревьев склонялись над ней, и свет фар выхватывал из темноты отдельные стволы, мокрые листья и участки земли, исчезавшие за пределами освещённого пространства.

— Мы точно туда едем? — спросила я.

Алексей Катков повернулся ко мне.

— А куда же ещё?

Он улыбнулся. Я тоже улыбнулась, потому что вопрос действительно был глупым. Мы направлялись в Валдай, и, пока не появилось никаких доказательств обратного, разумнее всего было считать, что именно туда мы и едем.

Тем не менее я заметила, что Алексей Катков не проверил ни навигатор, ни телефон, прежде чем свернуть на очередную дорогу.

Алексей Катков, однако, не выглядел обеспокоенным

Квартира, забронированная Алексеем Рыбаковым, находилась в обычном доме

Разумеется, он мог знать маршрут заранее. Возможно, он изучил его дома. Возможно, просто обладал хорошей памятью. Я не имела ни малейших оснований предполагать что-либо иное.

Именно так я рассуждала в тот вечер: каждое отдельное обстоятельство имело невинное объяснение. Лишь впоследствии я поняла, что иногда тревожит не отсутствие объяснений, а их чрезмерное количество.

Квартира, забронированная Алексеем Рыбаковым, находилась в обычном доме. Подъезд встретил нас запахом сырости и тусклой лампочкой, светившей так, словно электричество подавалось сюда исключительно из чувства долга.

Сама квартира оказалась вполне приличной. В ней имелись две комнаты, кухня, стол, шкаф и несколько чашек. Ничто не указывало на то, что здесь могло произойти событие, достойное упоминания в мемуарах путешественника.

Алексей Рыбаков занялся вещами. Татьяна Демьянова осматривала комнату. Я сняла куртку и прошла на кухню.

Вскоре выяснилось, что спать мы с Алексеем Катковым будем в одной комнате.

Я отнеслась к этому обстоятельству с тем спокойствием, которое обычно свойственно человеку, ещё не успевшему осознать все открывающиеся перед ним возможности.

Разумеется, речь шла всего лишь о ночлеге. Мы приехали в конце октября, собирались в поход, устали с дороги и нуждались в отдыхе. В подобных обстоятельствах было бы нелепо придавать устройству спальных мест какое-либо особое значение.

И всё же обнаружилась одна проблема: у меня имелось эротическое термобельё, а также бобровая струя — средство, приобретённое мною в результате того кратковременного помутнения рассудка, которое реклама столь искусно вызывает у людей, привыкших считать себя разумными существами.

В обычных обстоятельствах я, возможно, ограничилась бы тем, что использовала термобельё по его прямому назначению, а бобровую струю оставила бы для более подходящего случая. Но обстоятельства, как известно, не всегда советуются с человеком, прежде чем предоставить ему возможность совершить какую-нибудь глупость.

У меня имелось эротическое термобельё, а также флакон средства «Бобровая струя»

Я возложила надежды на средство, которому реклама обещала власть над природой

Я решила, что раз уж нам предстоит провести ночь в одной комнате, было бы обидно не проверить средство в условиях, хотя бы отдалённо напоминающих те, ради которых оно приобреталось. Это было не столько намерением добиться определённого результата, сколько проявлением исследовательского интереса, которому я, как человек любознательный, не всегда умела вовремя поставить разумные границы.

Кроме того, мне было любопытно, действительно ли производители бобровой струи располагают сведениями о человеческой природе, которых не хватает остальному человечеству.

Я переоделась в эротическое термобельё, воспользовалась средством согласно инструкции и сочла приготовления завершёнными.

Надо признать, я не ожидала чудес. Но между ожиданием чуда и полным отсутствием какого-либо результата существует достаточно обширная область, в пределах которой человек ещё вправе рассчитывать хотя бы на некоторое подтверждение того, что его усилия не были совершенно напрасны.

Именно в эту область я и поместила свои надежды.

Ничего не произошло.

Алексей Катков пожелал мне спокойной ночи, лёг и, судя по всему, без промедления уснул.

Я осталась лежать в темноте, прислушиваясь к его дыханию и пытаясь осмыслить случившееся. Или, точнее, отсутствие случившегося.

Надо сказать, я со своей стороны предприняла меры, которые считала вполне достаточными.

Эротическое термобельё было выбрано не без размышлений, бобровая струя нанесена с соблюдением инструкции, а сама обстановка — отдельная комната, поздний час, утомительная дорога и отсутствие посторонних свидетелей — представлялась мне почти лабораторно чистым экспериментом. Разумеется, я не питала иллюзий относительно неизбежности результата. Но столь полное отсутствие даже малейших признаков того, что мои приготовления были кем-либо замечены, казалось мне, по меньшей мере, достойным удивления.

Алексей Катков спал с невозмутимостью человека, которому совершенно нечего было доказывать этому миру.

Я попыталась найти случившемуся разумное объяснение. Возможно, он действительно очень устал.

Эксперимент не удался: объект исследования мирно спал

Невозмутимость Каткова ставила под сомнение и рекламу, и человеческие возможности

Возможно, бобровая струя не обладала теми чудесными свойствами, которые ей приписывали продавцы. Возможно, эротическое термобельё, приобретённое мною в расчёте на определённое впечатление, производило впечатление исключительно на меня саму.

Последняя мысль была особенно неприятна.

Однако постепенно меня стало занимать другое обстоятельство. За весь вечер Алексей не проявил ни малейшего беспокойства, не задал ни одного лишнего вопроса и теперь спал так спокойно, словно не только не подозревал о существовании бобровой струи, но и вообще находился вне досягаемости тех сил, которые обычно приводят человека в замешательство.

Я не собиралась делать поспешных выводов. В конце концов, мало ли на свете людей с необыкновенным самообладанием? И всё же мне казалось странным, что человек способен с таким безразличием перенести обстоятельства, в которых другой, пожалуй, хотя бы поинтересовался бы, почему в комнате столь необычно пахнет.

Я решила, что утром непременно пересмотрю свои взгляды на рекламу подобных средств.

Что же до Алексея Каткова, то оставалось лишь признать: передо мной находился человек, чья невозмутимость превосходила мои представления о человеческих возможностях.

Или, подумала я уже засыпая, мои представления о человеческих возможностях были недостаточно широки.

В этот момент снизу раздался первый удар.

Я замерла.

Звук был глухим и отчётливым, словно кто-то ударил кулаком по нижней стороне пола. Через несколько секунд последовал второй удар, затем третий. Между ними оставались равные промежутки, и это обстоятельство тревожило меня гораздо сильнее, чем если бы шум был случайным.

Я повернула голову к Алексею Каткову.

Он не шевелился.

— Ты слышал? — прошептала я.

— Да, — ответил он.

Голос его звучал совершенно спокойно.

— Что это?

В этот момент снизу раздался удар

Утро объясняло почти всё — кроме безупречно чистых ботинок

Некоторое время он молчал. Снизу донёсся ещё один удар.

— Не сегодня, — сказал Алексей Катков.

После этого наступила тишина.

Я не решилась спросить, к кому именно он обращался и почему счёл возможным отвечать на звук, источник которого нам был неизвестен. Впрочем, задавать вопросы в тот момент казалось мне не самой разумной затеей. Я натянула одеяло до подбородка и постаралась убедить себя, что старые дома скрипят, трубы шумят, а человеческое воображение особенно охотно заполняет пробелы в знаниях, когда вокруг темно и холодно.

В конце концов, мы находились в незнакомой квартире, в незнакомом месте, посреди октября. Было бы странно, если бы ночь прошла совершенно бесшумно.

С этой мыслью я и уснула.

Утром Алексей Катков уже был готов к выходу. Он собрал свои вещи, оделся и стоял у двери с таким видом, словно ночные события не заслуживали даже мимолётного воспоминания.

Я же, едва поднявшись с постели, обратила внимание на его обувь.

Ботинки были совершенно чистыми.

Это само по себе не являлось чем-то невозможным. Разумеется, человек может почистить обувь перед сном или утром. Однако я не помнила, чтобы Алексей Катков занимался чем-либо подобным. Накануне мы приехали по тёмной дороге, прошли от машины до дома, занесли вещи, а затем разошлись по комнатам. Я не видела ни щётки, ни тряпки, ни даже намёка на то, что чистка обуви входила в его вечерние планы.

И всё же ботинки выглядели так, словно их только что вынули из коробки.

Я посмотрела на свои собственные, покрытые засохшими брызгами грязи, затем снова на обувь Алексея.

Разница была настолько очевидной, что я даже испытала некоторое раздражение: в конце концов, если человек способен сохранять обувь в таком состоянии после поездки по осенним дорогам, он мог бы хотя бы поделиться секретом.

— Вы уже готовы? — спросил Алексей Катков.

— Да, — ответила я, продолжая смотреть на его ботинки.

Он ничего не добавил.

Обувь Каткова выглядела так, словно её только что достали из коробки

Я предпочла остановиться на последнем объяснении

Возможно, я просто не заметила, когда он успел их почистить. Возможно, он действительно оказался гораздо предусмотрительнее остальных. Возможно, за ночь мне удалось настолько утомиться, что утром я стала придавать значение самым обыкновенным вещам.

Я предпочла остановиться на последнем объяснении.

Тогда оно казалось мне наиболее разумным.

Я ещё не знала, что в нашем путешествии обыкновенные объяснения будут встречаться столь же часто, как и поводы в них усомниться.

Часть вторая
22 октября

Утро двадцать второго октября принесло с собой зрелище, столь мало согласующееся с позднеосенним сбором в поход, что я невольно задержалась на пороге. Алексей Рыбаков, совершенно серьёзный и занятый приготовлениями к выходу, вышел из комнаты в синем обтягивающем трико. Среди рюкзаков, курток и прочих принадлежностей предстоящего путешествия этот яркий, почти неправдоподобный силуэт казался случайно забредшим к нам из другого мира.

Я невольно вспомнила голубой период Пикассо — его печальных людей, вытянутых, словно сама жизнь истончила их до предела, и окрашенных в такую густую синеву, будто они долго стояли под холодным дождём, ожидая, когда мир наконец вспомнит об их существовании. В Рыбакове было нечто от этих фигур: та же странная удлинённость, та же трогательная серьёзность, с какой они несли своё одиночество сквозь безмолвные пространства картин. Только Пикассо помещал своих героев в вечность, а Рыбаков, не ведая о родстве с ними, стоял посреди комнаты и искал походные перчатки.

Алексей Рыбаков был похож на героя картин Пикассо

Овощам в нашем путешествии предстояло сыграть особую роль

— На подоконнике, — сказал Катков, не оборачиваясь.

Рыбаков взял перчатки и продолжил сборы. Никто не сделал замечания. Никто даже не посмотрел на него дольше, чем требовалось, чтобы понять, что он сказал. Я тоже отвернулась и принялась проверять собственный рюкзак. Мне вдруг стало неловко за своё внимание: оно было таким же бесцеремонным, как если бы я принялась разглядывать человека, который не подозревает, что его рассматривают.

Впрочем, у нас были дела поважнее.

К назначенному времени приехали Павел Ратников, Ольга Полякова и Дмитрий Самсонов. Они добрались вместе, на машине Павла, и пока остальные переносили вещи, Дмитрий открыл багажник и принялся вынимать покупки.

Отдельно он поставил пакет с овощами, обращаясь с ним осторожнее, чем с остальным снаряжением. Я знала Дмитрия достаточно, чтобы не удивляться его внимательности к подобным мелочам, хотя в тот момент мне не пришло в голову, что именно овощам в нашем путешествии предстояло сыграть роль, выходящую за пределы обычного походного провианта.

Мы распределились по машинам. Со мной, Татьяной Демьяновой и Рыбаковым ехал Катков. Павел, Дмитрий и Ольга отправились следом на машине Павла.

Первые неприятности начались ещё до того, как мы успели окончательно покинуть город.

Павел время от времени поглядывал на навигатор. Тот настойчиво предлагал изменить направление, а затем и вовсе потребовал развернуться.

— Он опять говорит, что мы едем не туда, — сообщил Павел.

Катков посмотрел на экран.

— Он ещё не знает, куда мы едем.

— Вообще-то, он знает, куда мы едем. Я сам поставил точку.

Навигатор, словно желая внести ясность в спор, повторил:

— Выполните разворот, когда это будет возможно.

Павел убавил звук, но вскоре устройство снова заговорило. Теперь оно сообщило, что мы прибыли в район, где маршрут недоступен.

— Как это — недоступен?

Навигатор настойчиво предлагал Павлу изменить направление

Навигатор уверял, что дороги дальше нет; Катков, не тратя слов на возражения, велел ехать за ним

— Мы по дороге едем, — сказал Павел, когда мы остановились и он смог рассмотреть карту.

На экране синяя линия заканчивалась раньше, чем мы добрались до нужного места. Дальше тянулась тонкая серая черта, больше похожая на след, оставленный карандашом на полях, чем на дорогу, по которой следовало ехать людям с рюкзаками.

— Может, всё-таки сверимся? — предложил Павел.

Катков посмотрел на дорогу, потом на карту.

— Не сворачивай. Езжай за нами.

Павел помедлил, но спорить не стал. В конце концов, Катков знал, куда мы направляемся, а навигатор, как выяснилось, знал об этом значительно меньше.

Позднее я вспомнила этот разговор. Тогда мне казалось, что навигатор просто ошибался. Теперь я не могла отделаться от мысли, что он настойчиво пытался предупредить нас — только предупреждение его было рассчитано на тех, кто привык доверять указаниям прибора больше, чем человеку, сидящему за рулём.

Вскоре стало ясно, что на машинах до нужного места нам не добраться.

Мы оставили автомобили и пересели к местному водителю, который согласился отвезти нас к началу тропы. Его машина была старой, но уверенно держалась на дороге, словно знала её лучше всех присутствующих.

Водитель оказался разговорчивым ровно настолько, насколько это свойственно людям, которые давно живут среди лесов и не считают каждую услышанную историю достойной отдельного объяснения.

Когда речь зашла о туристах, он произнёс:

— Тут уже один ходил с мясом, а вернулся без мяса.

Сказано это было буднично, почти между прочим. Я машинально подумала о трёх килограммах шашлыка, лежавших у меня в рюкзаке. Вероятно, водитель имел в виду медведей или каких-нибудь других лесных обитателей, способных заинтересоваться человеческими запасами. Я решила, что предупреждение полезно, хотя форма его была несколько своеобразной.

Когда водитель высадил нас у начала тропы, мы выгрузили вещи и поблагодарили его. Он дождался, пока мы отойдём от машины, развернулся и уехал. Только после этого мы начали путь.

— Тут уже один ходил с мясом, а вернулся без мяса

Женщина в платке посмотрела на нас, затем перевела взгляд на Каткова и перекрестилась

Лес встретил нас сыростью, опавшей листвой и тем особенным осенним безмолвием, в котором любой звук кажется лишним. Мы шли по тропе, стараясь не растягиваться, и вскоре встретили местных жителей на машине. В кузове у них лежало столько рыбы, что она занимала почти всё свободное пространство.

Женщина в платке посмотрела на нас, затем перевела взгляд на Каткова и перекрестилась.

Это движение было быстрым, почти незаметным. Она не произнесла ни слова и тут же отвернулась, будто ничего не произошло.

Катков тоже не подал виду, что заметил её жест. Он поздоровался с людьми, обменялся с ними несколькими словами и повёл нас дальше.

Я решила, что женщина могла принять его за кого-то другого. В деревнях люди порой узнают друг друга по одним лишь очертаниям лица или походке, а мы, приезжие, не всегда понимаем, какие отношения связывают местных жителей.

Тем не менее я оглянулась. Машина с рыбой уже скрывалась за поворотом.

Тропа постепенно становилась менее удобной.

Лес редел, под ногами попадались корни, а низкие облака цеплялись за верхушки деревьев. Мы двигались не слишком быстро: впереди был ещё целый день, и торопиться не имело смысла.

В какой-то момент Катков остановился и оглядел окрестности.

— Здесь можно было бы встать, — заметила Татьяна.

Катков посмотрел на площадку, затем на лес впереди.

— Вторая площадка будет лучше.

Он произнёс это без нажима, как человек, предлагающий перенести обед на полчаса. Мы двинулись дальше.

Вторая площадка действительно оказалась просторнее, хотя находилась у озера, окружённого сырым лесом и низкими кустами. Вода была тёмной, почти неподвижной. На берегу стоял знак, предупреждавший о возможной встрече с дикими животными.

Знак выглядел новым. Краска ещё не успела заметно выцвести, а вот гвозди, которыми его прибили к столбу, покрылись ржавчиной.

Возможна встреча с дикими животными

Мы разбили лагерь и занялись ужином

Я задержала на нём взгляд, но не стала ничего говорить. В конце концов, знак был полезен, а его возраст не имел для нас особого значения.

Мы разбили лагерь и занялись ужином. Татьяна следила за хозяйственными делами, остальные доставали посуду и продукты. Я вынула мясо, которое мы собирались приготовить на углях. Три килограмма шашлыка казались вполне разумным запасом для нашей компании, особенно после дороги и нескольких часов ходьбы.

Рыбаков занялся приготовлением еды с той же сосредоточенностью, с какой утром искал перчатки. Когда шашлык был готов, мы уселись вокруг костра. Мясо получилось хорошим: горячим, сочным, с подрумяненными краями. Мы ели, разговаривали и постепенно оттаивали после сырого лесного дня.

Катков за едой почти не участвовал в общем разговоре. Он сидел рядом с костром, слушал остальных и время от времени смотрел в сторону озера. Я решила, что он просто устал.

После ужина мы приготовили глинтвейн. Тепло от кружки приятно согревало руки, а лес вокруг постепенно погружался в темноту.

В конце октября сумерки наступают рано; к тому времени, когда мы закончили с едой и напитками, различить между деревьями отдельные стволы уже можно было только в свете фонарей.

Именно тогда Катков предложил сходить к металлической вышке, находившейся примерно в трёх километрах от лагеря.

— Сейчас? — спросила Татьяна.

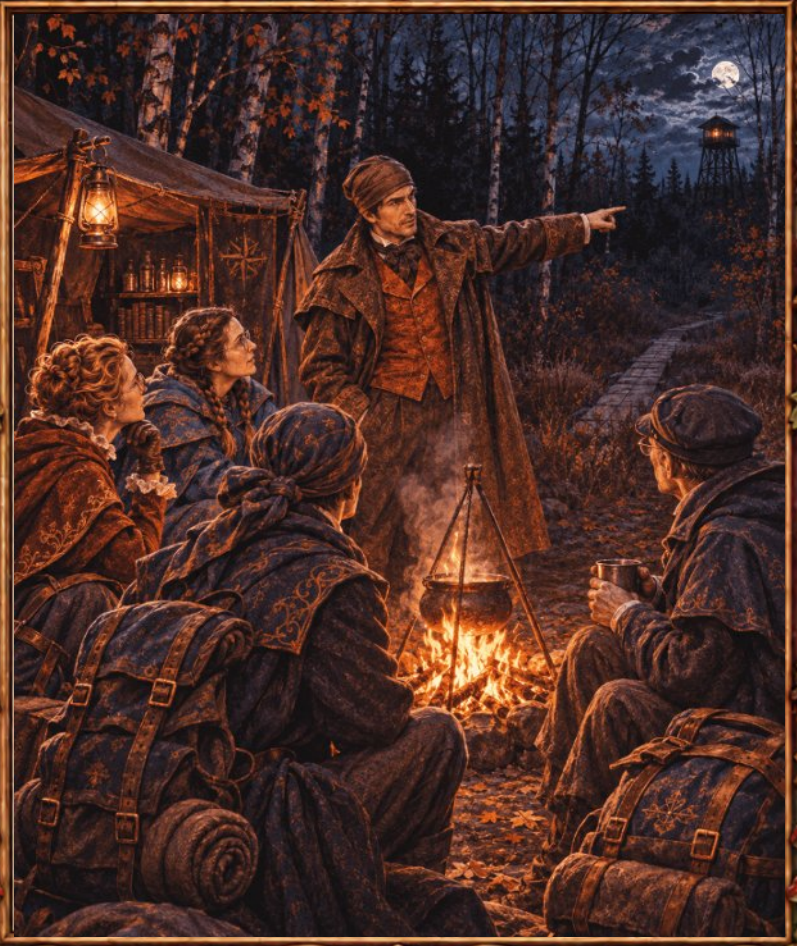
— Ничего, успеем, — ответил он.

Я посмотрела на часы. День давно закончился, а впереди была ещё дорога туда и обратно.

Но вышка, судя по словам Каткова, представляла собой местную достопримечательность, и никто не хотел оставаться в лагере, пока остальные отправляются на прогулку.

Мы взяли фонари и пошли.

Лес ночью выглядел совсем иначе, чем днём. Свет выхватывал из темноты несколько метров тропы, ближайшие стволы и блестевшие от сырости корни.

Катков предложил сходить к металлической вышке

Вышка была выше, чем мне представлялось, и выглядела старой

За пределами освещённого круга ничего нельзя было разглядеть, и от этого казалось, будто мы движемся не сквозь лес, а внутри узкого коридора, который каждый раз возникает перед нами заново.

Вышка появилась неожиданно. Сначала я увидела её верхнюю часть, затем металлические опоры и лестницу. Она была выше, чем мне представлялось, и выглядела старой: ржавчина покрывала соединения, а перила темнели от влаги.

Катков полез первым. За ним поднялись остальные. Под ногами скрипели ступени, а металлическая конструкция заметно дрожала от ветра и от того, как мы переступали с одной перекладины на другую.

— Она вообще крепкая? — спросила я.

— Конечно, — отозвался Катков сверху.

Он сказал это так уверенно, что мне стало неловко за вопрос. Я продолжила подниматься, держась за холодные перила.

С высоты озеро почти сливалось с лесом. Береговая линия исчезала в темноте, и только редкие отражения света позволяли понять, где заканчивается вода. На противоположной стороне виднелось несколько огней.

Сначала я решила, что это фонари или костры. Но огни располагались слишком ровно. Между ними были одинаковые промежутки, а некоторые стояли чуть выше других. Я прищурилась, пытаясь понять, что именно вижу.

Постепенно точки сложились в буквы.

МЯСО.

Я перечитала слово про себя, словно от этого оно могло превратиться во что-нибудь более подходящее для лесного берега.

Мне вспомнился водитель и его странное предупреждение: «Тут уже один ходил с мясом, а вернулся без мяса». Мы съели весь шашлык несколько часов назад. В лагере не осталось ни одного куска, который можно было бы назвать мясом в обычном смысле этого слова. И всё же слово на другом берегу было именно таким — простым, знакомым, почти домашним.

— Видите? — спросила я.

Ольга встала рядом со мной и посмотрела туда же.

— Может, это название какой-нибудь базы? Или мероприятие у них там?

Объяснение было вполне разумным.

Огни на том берегу сложились в слово, которому не место в ночном лесу

— Старые метки лесников, — сказал Катков

Я даже почувствовала облегчение, услышав его.

— Старые метки лесников, — сказал Катков.

Я повернулась к нему.

— Лесники оставляют метки буквами?

— Бывает по-разному.

Он не стал ничего объяснять. Ветер усилился, и вышка снова качнулась. Металл тихо заскрипел где-то под нами.

Мы начали спускаться. На лестнице конструкция дрожала сильнее, и я старалась не смотреть вниз. Когда наконец ступила на землю, то обнаружила, что всё это время сжимала перила так крепко, что пальцы заболели.

На обратном пути я несколько раз оглядывалась в сторону озера. Огни всё ещё были видны между деревьями, но постепенно исчезали из поля зрения. Когда мы вернулись в лагерь, их уже не было.

— Наверное, выключили, — сказала Ольга.

Я не ответила. Мне было трудно представить человека, который выключает целое слово, выложенное огнями на противоположном берегу лесного озера.

Только позднее я поняла, что с того вечера слово «мясо» перестало ассоциироваться у меня исключительно с ужином.

Вернувшись к палатке, я ещё долго не могла уснуть. Перед глазами стояли огни, складывавшиеся в буквы, и я снова вспоминала голос водителя. В конце концов я решила, что усталость и темнота придали обычному зрелищу ненужную загадочность. Возможно, на другом берегу действительно находилась какая-нибудь база, а Катков знал о ней больше, чем счёл нужным рассказать.

Перед сном я взяла кусок угля и провела на земле вокруг входа в палатку круг. Это была не столько защита от зверей, сколько привычка: когда ночуешь в незнакомом месте, любой маленький ритуал помогает почувствовать, что ты хотя бы что-то контролируешь.

Я забралась в спальник и постаралась уснуть.

Сон не приходил. Снаружи время от времени поскрипывали деревянные настилы, по которым мы ходили днём. В темноте звуки казались ближе, чем были на самом деле.

Я знала, что ночью по таким настилам могут бегать мыши, и старалась не обращать внимания на шорохи.

Перед сном я взяла кусок угля и провела на земле вокруг входа в палатку круг

У входа что-то прижалось к палатке.
Первой мыслью был медведь

В какой-то момент мне показалось, что я услышала кашель.

Короткий, сдержанный, совсем рядом с палаткой.

Я открыла глаза. Внутри было темно, и лишь слабый отблеск света откуда-то снаружи проступал сквозь ткань. Я лежала неподвижно, прислушиваясь.

У входа что-то прижалось к палатке. Ткань натянулась, словно кто-то осторожно надавил на неё снаружи.

Первой мыслью был медведь.

Я не видела его, но воображение немедленно дорисовало всё остальное: тяжёлую голову, втянутый воздух, осторожный поиск запаха еды. Я вспомнила предупреждающую табличку у лагеря и пожалела, что днём не отнеслась к ней серьёзнее.

Раздался ещё один звук — тихий, похожий на сопение, а затем снова кашель.

И вдруг мне показалось, что он похож на кашель Каткова.

Мысль была настолько нелепой, что я попыталась от неё избавиться. Катков находился в другой палатке.

Медведь, если это действительно был медведь, не мог кашлять так, как человек, которого я знала. Но в темноте звуки смешивались, а усталость не позволяла уверенно отличить услышанное от воображаемого.

Я не знала, сплю ли уже или всё ещё лежу с открытыми глазами. Мне казалось, что стоит приподнять голову, как у входа обнаружится тёмная морда, а рядом с ней — знакомый силуэт, которому там совершенно не следовало находиться.

Потом всё стихло.

Я долго ждала, не решаясь пошевелиться. Наконец осторожно повернулась на бок и закрыла глаза. Больше я ничего не слышала — или, по крайней мере, не запомнила.

Утром я не могла с уверенностью сказать, что произошло ночью. Возможно, мне приснилось, что кто-то пытался проникнуть в палатку. Возможно, снаружи действительно было животное. А может быть, звуки на деревянном настиле и собственная усталость сложились в историю, которую я теперь принимала за воспоминание.

Разобраться в этом помогли мыши.

Я долго ждала, не решаясь пошевелиться

Мыши оказались виновны в ночных шорохах. Но отчего же побелел круг, который я начертила углём?

Ольга первой обнаружила, что в её рюкзаке появилась аккуратная дыра. Грызуны добрались до упаковки с едой и оставили на ней мелкие следы зубов.

— Вот же мелкие бандиты, — сказала она, рассматривая повреждение.

Теперь ночные шорохи получили вполне убедительное объяснение. Мыши могли бегать по деревянным настилам, шуршать возле палаток и даже возиться у самого входа. Я почти убедила себя, что именно они и разбудили меня, если я вообще просыпалась.

Но когда я вышла из палатки, то посмотрела на круг, который начертила углём накануне.

Он побелел.

Линия сохранилась целиком, без разрывов, однако вместо чёрного угля на земле лежал белёсый след. Я присела и коснулась его пальцем. На коже не осталось ни пыли, ни грязи.

Я выпрямилась и огляделась. Остальные уже собирались, проверяли вещи и готовились к новому дню. Никто, казалось, не заметил ничего необычного.

Катков подошёл ко мне, взглянул на лагерь и спросил:

— Хорошо спали?

— Не особенно.

Он кивнул, словно услышал совершенно ожидаемый ответ.

— Ничего. Сегодня нам повезёт с мясом.

Я посмотрела на него, но он уже отвернулся и занялся своими вещами.

Круг у входа в палатку оставался белым. Я ещё раз провела по нему пальцем, надеясь обнаружить хотя бы малейший след угля.

Палец остался чистым.

Я не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь видела, как уголь становится белым за одну ночь.

«Ничего. Сегодня нам повезёт с мясом», — сказал Катков

Под солнечным небом вчерашний ужас казался выдумкой усталого ума

Часть третья
23 октября

Утро двадцать третьего октября выдалось солнечным. После ночи, которую я предпочла бы не вспоминать за завтраком, ясное небо казалось почти вызывающим. Солнце освещало лес с той беззаботностью, какая свойственна природе, не несущей никакой ответственности за впечатления, производимые ею на людей. На верхушках деревьев блестела влага, между стволами лежали длинные полосы света, а тропа впереди выглядела настолько мирно, что было трудно поверить: ещё недавно мы стояли на металлической башне и смотрели на огни, сложившиеся на противоположном берегу в слово, которому не хотелось придавать никакого значения.

Мы собрались, проверили снаряжение и продолжили путь.

В походе утро редко принадлежит целиком тому, кто проснулся первым. Оно распределяется между сборами, поисками вещей, поправлением лямок и неизбежными вопросами о том, куда делось то, что только что лежало вот здесь.

Пока одни сворачивали палатки, другие проверяли содержимое рюкзаков. Татьяна Демьянова, как всегда, занималась хозяйственными вопросами без лишних слов. Она умела организовать сборы так, что даже самые рассеянные участники в конце концов обнаруживали у себя всё необходимое — иногда даже то, о существовании чего до её вмешательства не подозревали.

Дмитрий Самсонов уделил особое внимание овощам. Пакет он устроил среди вещей с осторожностью, которую я уже успела заметить накануне. Ничего необычного в этом не было: продукты действительно требовали аккуратного обращения, особенно если хотелось довезти их до следующей стоянки в состоянии, пригодном для употребления. И всё же Дмитрий обращался с ними так, словно речь шла о весьма ответственных пассажирах, которым предстояло выдержать непростой переезд.

Я решила, что в походе у каждого есть свои способы сохранять душевное равновесие. У одних это проверка карты, у других — контроль снаряжения. У Дмитрия, по-видимому, овощи.

Вскоре мы вышли на тропу.

Дмитрий Самсонов уделил особое внимание овощам

Тропа была на месте; лишь навигатор отказывался с нею соглашаться

Солнечный свет сопровождал нас сквозь лес, то ложась на землю широкими пятнами, то исчезая под плотными кронами. На открытых участках было светло и почти тепло, а в тени воздух оставался холодным. Под ногами перемешались опавшие листья, корни и влажная земля. Время от времени тропа сужалась, заставляя нас идти друг за другом, а затем снова расширялась, и группа растягивалась по лесу, как это неизбежно случается, когда у людей разная скорость ходьбы и разное представление о том, что означает выражение «идём вместе».

Катков держался впереди. Он двигался спокойно, без заметной спешки, и время от времени оглядывался, чтобы убедиться, что группа не слишком растянулась. В его поведении не было ничего, что можно было бы назвать подозрительным. Именно это и мешало мне окончательно успокоиться: после ночных событий мне хотелось обнаружить в нём хотя бы небольшую неловкость, случайный жест или взгляд, который позволил бы связать происходившее с чем-то вполне человеческим. Но Катков выглядел так, словно наш поход ничем не отличался от десятков других.

Павел Ратников, присоединившийся к нам вместе с Ольгой Поляковой и Дмитрием, время от времени сверялся с навигацией.

Устройство не всегда соглашалось с тем, куда мы шли. Павел останавливался, проверял экран, снова смотрел на тропу и пытался примирить цифровое представление местности с тем, что находилось перед его глазами.

— Здесь должно быть иначе, — однажды заметил он.

— Но мы же идём по тропе, — ответил кто-то.

— Это я вижу.

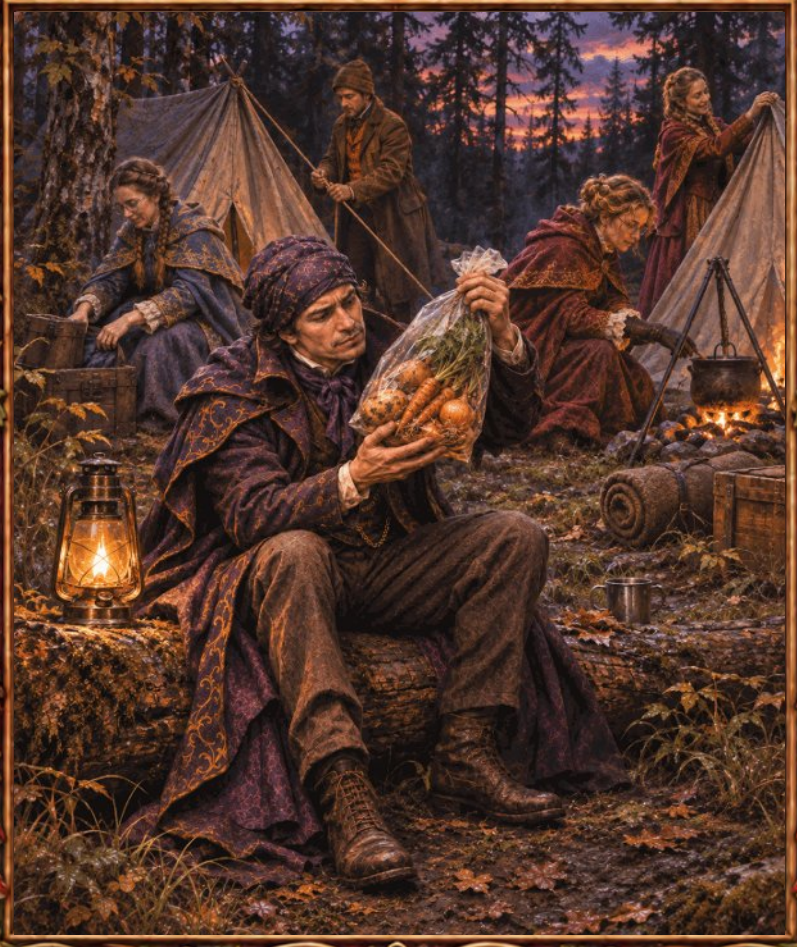
В голосе Павла слышалось раздражение человека, который привык доверять приборам, но пока не готов признать, что прибор может иметь собственное мнение о маршруте.

Катков выслушал его и предложил продолжать движение. Это решение не сопровождалось ни объяснениями, ни сомнениями. Мы пошли дальше.

Тогда я ещё не могла знать, что в лесу предупреждения иногда выглядят именно так: маленькое несоответствие на экране, странный поворот, сомнение, которое легко отложить до следующего привала. В тот момент всё казалось обычной походной неурядицей.

В тот момент всё казалось обычной походной неурядицей

К вечеру мы устроили стоянку. Дмитрий снова проверил овощи

Мы не заблудились, не потеряли никого из группы и не имели оснований считать, что навигация пытается сообщить нам нечто большее, чем простую техническую ошибку.

День продолжался. Мы шли, останавливались на короткие привалы, поправляли одежду и рюкзаки. Солнце медленно перемещалось по небу, а лес менялся вместе с освещением: одни участки становились золотистыми, другие погружались в прохладную тень. В такие часы особенно легко забыть о вчерашних тревогах. Природа не торопится убеждать человека, что с ним всё в порядке; она просто позволяет ему на время перестать задавать вопросы.

К вечеру мы устроили стоянку.

После сборов и приготовления ужина жизнь постепенно вернулась к привычному порядку. Кто-то занимался посудой, кто-то разбирал вещи, кто-то устраивался у костра. Дмитрий снова проверил овощи. Я заметила это краем глаза, но на этот раз не стала пытаться понять, почему он уделяет им столько внимания. Возможно, он просто был аккуратным человеком. В конце концов, не всякая странность обязана иметь объяснение, а в походе особенно опасно начинать подозревать человека лишь за то, что он бережёт продукты.

Когда стало темнеть, мы решили сыграть в «Бункер».

Идея показалась удачной. После целого дня ходьбы приятно было заняться чем-то, для чего не требовалось ни идти по тропе, ни следить за навигацией, ни выяснять, кто опять положил нужную вещь не туда. Мы уселись вместе и принялись обсуждать, кого следовало бы спасти в случае глобальной катастрофы, а кому, по мнению большинства, не нашлось бы места в убежище.

Обсуждение шло оживлённо. Каждый находил в себе качества, необходимые для выживания человечества, и обнаруживал у остальных недостатки, которые делали их присутствие в бункере весьма сомнительным. Я с интересом наблюдала, как быстро люди переходят от дружеского общения к рассмотрению друг друга в качестве потенциально бесполезного балласта.

В какой-то момент у стоянки появился местный житель.

Я не услышала, как он подошёл. Просто, подняв глаза от карточек, увидела человека на краю освещённого пространства.

Когда стало темнеть, мы решили сыграть в «Бункер»

Мы спорили, кого спасти в «Бункере» и тут рядом с нами появился незнакомец

Он стоял за пределами света от костра и смотрел на нас с выражением человека, который обнаружил в лесу нечто неожиданное, но не настолько неожиданное, чтобы это стоило немедленно обсуждать.

— Играете? — спросил он.

— В «Бункер», — ответил Павел.

Мужчина кивнул.

— Полезная игра. Тут тоже иногда приходится решать, кого куда.

— В смысле? — спросила Таня.

— В прямом.

Он произнёс это так спокойно, что мы не сразу поняли, шутит он или нет.

Немного помолчав, мужчина посмотрел в сторону деревьев.

— Вы только с Тётей Фёдором не связывайтесь.

— С кем? — переспросила Ольга.

— С Тётей Фёдором. Он тут за лесом присматривает.

— Она? — машинально уточнила Таня.

— Он.

Мы переглянулись.

— А Дядя Фёдор? — спросил Павел, решив, очевидно, что второй персонаж поможет восстановить равновесие.

— Она за людьми следит.

На этот раз молчание продлилось дольше.

— Простите, — сказала я наконец. — Я правильно поняла? Тётя Фёдор — мужчина, а Дядя Фёдор — женщина?

— Правильно.

Местный житель присел у края нашего круга, не приближаясь к костру.

— Они муж и жена, — объяснил он.

Это многое проясняло, но далеко не всё.

— Фёдор у них в семье один, — продолжил мужчина. — Поэтому, когда они поженились, решили, что второго Фёдора заводить не будут. А чтобы не путать, одного стали звать Тётей Фёдором, другого — Дядей Фёдором.

Лес охранял лесник Тётя Фёдор и его жена – Дядя Фёдор

У супругов Фёдоровых на двоих имелся всего один Фёдор; эта экономия имени нисколько не облегчала объяснений

— А почему мужчина — тётя, а женщина — дядя? — спросила Таня.

— Так я же объяснил: Фёдор один.

Мы помолчали. В этом объяснении обнаруживалась та особая разновидность логики, которая не выдерживает ни малейшей проверки, но после первого же уточняющего вопроса начинает казаться ещё более убедительной. Я попыталась мысленно вернуться к началу рассуждения, однако обнаружила, что уже не помню, в какой момент мы согласились считать имя семейным ресурсом, который необходимо экономить.

— Но при чём тут дядя и тётя? — спросила Таня.

— А это по родству. Он ей тётя, она ему дядя.

— Но они же муж и жена!

— Так я вам и говорю: в семье всё сложно.

Местный произнёс это с таким спокойствием, что на мгновение мне показалось: именно так и должно быть. Возможно, в этих краях существовали особые правила родства, неизвестные жителям больших городов.

Возможно, при регистрации брака супругам выдавали не только свидетельство, но и набор взаимных родственных обязанностей, которые следовало соблюдать независимо от пола. Я не исключала и того, что в какой-то момент нашей беседы мы упустили важную подробность, без которой вся история выглядела совершенно бессмысленной.

— А фамилия у них какая? — спросил Павел.

— Фёдоровы.

— У обоих?

— А у кого же ещё?

Местный произнёс это с таким искренним удивлением, что Павел благоразумно отказался от дальнейшего расследования.

— Тётя Фёдор за лесом следит, — продолжил мужчина. — Он тут каждую тропу знает. Если заблудитесь, может показать дорогу. А может и не показать — смотря как себя вести будете.

— А Дядя Фёдор? — спросила Ольга.

— Дядя за людьми следит. Кто мусор бросил, кто костёр не залил, кто оставил после себя беспорядок. У неё тетрадь есть. Всё записывает.

В лесу всё записывали в тетрадь, отчего шутить хотелось всё меньше

У Тёти Фёдора был ласковый топор, а у Дяди Фёдора — тетрадь

— А что потом? — спросила Таня.

— А потом приезжает проверять.

— Кто приезжает?

Местный посмотрел на неё.

— Дядя Фёдор.

Таня решила больше ничего не уточнять.

— А сами вы их видели? — спросил Дмитрий.

До этого момента он почти не участвовал в разговоре, и его вопрос прозвучал неожиданно серьёзно.

— Тётю Фёдора видел, — ответил мужчина. — Не раз. Большой такой. Борода, топор. Топор у него ласковый.

— Ласковый? — переспросил Рыбаков.

— Так он его называет.

— А Дядю?

Местный не ответил сразу. Он посмотрел за наши спины, туда, где между деревьями начиналась темнота.

— Дядю Фёдора не все видели. Но она всех видит.

В костре тихо осел уголёк.

Кто-то пошевелился, устраиваясь поудобнее, и шорох ткани вдруг показался мне слишком громким.

— А если мы их встретим? — спросила Ольга.

— С Тётей Фёдором разговаривайте вежливо. Он человек простой, но обидчивый. А Дядю Фёдора лучше не расстраивать.

— Почему?

— Потому что она всё записывает.

Он произнёс это без угрозы, почти буднично. И именно поэтому мне стало не по себе. Угроза предполагает намерение причинить вред; предупреждение же оставляет человеку возможность самому представить, какой вред ему уготован.

— И ещё, — добавил местный, поднимаясь. — Если увидите в лесу табличку с надписью «Дядя Фёдор следит за тобой», не думайте, что это шутка.

— А кто её повесил? — спросил Павел.

— Дядя Фёдор.

— Лично?

— А кто же ещё? Тётя Фёдор писать не любит.

Дядя Фёдор следит за тобой

Мы вернулись к игре, но прежнего веселья уже не было

А этот раз засмеялись все. Даже местный слегка улыбнулся, будто счёл, что разговор наконец вернулся в приемлемое русло.

Он попрощался и направился в темноту. Мы ещё некоторое время слышали его шаги, хотя с каждой секундой они становились тише, а затем исчезли совсем.

— Очень убедительная семейная пара, — заметила Таня.

— По крайней мере, с распределением обязанностей у них всё хорошо, — сказал Павел.

Мы вернулись к игре, но прежнего веселья уже не было. Карточки лежали перед нами, люди спорили о профессиях, навыках и шансах на выживание, однако я всё время вспоминала тетрадь Дяди Фёдора. Мне представлялось, как где-то в лесу женщина аккуратно записывает в неё наши имена, количество палаток и состояние стоянки.

Это было нелепо. Я понимала, что история местного жителя — всего лишь местная история, а лесные смотрители, какими бы странными ни были их прозвища, не обязаны превращаться в персонажей ночного кошмара.

Я почти убедила себя в этом, когда из темноты со стороны деревьев донёсся короткий, сухой стук.

Будто кто-то ударил топором по дереву.

Мы замолчали.

Стук не повторился.

— Дрова, наверное, заготавливают, — сказал Катков.

Он произнёс это спокойно и сразу вернулся к игре. Остальные последовали его примеру, хотя я заметила, что никто больше не спорил о том, кого следует оставить в бункере.

В тот вечер мы легли спать немного раньше обычного.

А я ещё долго думала о том, что у некоторых семейных историй есть одно неприятное свойство: чем меньше в них смысла, тем труднее их забыть.

Раздался звук, будто кто-то ударил топором по дереву

Дмитрий Самсонов сидел возле рюкзака и с задумчивым видом перебирал овощи

Часть четвертая
24 октября

Утро двадцать четвёртого октября началось с того особенного молчания, которое бывает в походе после ночи, проведённой на одном месте. Казалось, лес за это время успел привыкнуть к нашему присутствию и теперь наблюдал за сборами без прежнего любопытства. Впрочем, я не исключала, что ему просто наскучило.

Мы завтракали, складывали вещи и постепенно приводили стоянку в тот вид, в каком её полагается оставлять людям, не желающим однажды обнаружить на туристическом форуме собственный портрет под заголовком «Так делать не надо». Татьяна проверяла остатки продуктов, Павел выяснял у навигатора, сколько нам ещё идти, а Дмитрий Самсонов сидел возле рюкзака и с задумчивым видом перебирал овощи.

Он делал это с такой осторожностью, словно каждый помидор мог оказаться последним представителем исчезающего вида.

— Дим, ты их не пересчитывай, — сказала Татьяна. — Мы всё равно их съедим.

— Я не пересчитываю, — ответил Дмитрий.

Он быстро убрал руку от рюкзака.

Я уже замечала за ним эту странность: стоило кому-нибудь заговорить об овощах, Дмитрий начинал прислушиваться. Не к собеседнику — к тому, что лежало у него в рюкзаке. Сначала я решила, что он просто устал и потому временами выпадает из разговора. Но в тот день он выглядел скорее озабоченным, чем утомлённым.

Позже, когда мы уже шли по тропе, он сам рассказал мне, что овощи заговорили с ним ещё до начала похода.

Случилось это, по его словам, в магазине. Он выбирал картошку, морковь и лук, когда услышал тихий голос. Сначала решил, что кто-то разговаривает за спиной. Потом голос повторился — на этот раз из ящика с морковью. Он обернулся, но рядом никого не было.

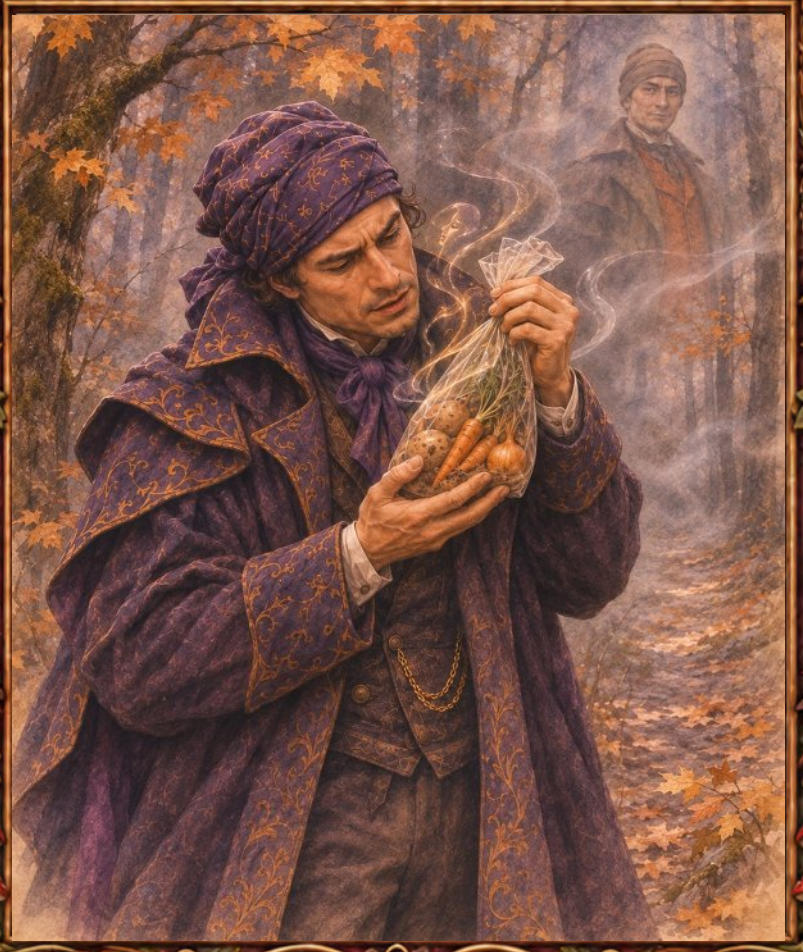
— Они назвали себя хранителями, — сказал Дмитрий. — Сказали, что выросли из земли, которая помнит всё, что происходило в этом лесу. А потом рассказали про семью Фёдоровых.

— Овощи?

— Да.

Дмитрий признался, что овощи заговорили с ним ещё до начала похода

Овощи рассказали Дмитрию об Алексее Федорове

Дмитрий произнёс это так, будто я задала вопрос о погоде.

По его словам, Фёдоровы были хранителями Валдая много поколений. Не владельцами, не лесниками в обычном смысле слова, а именно хранителями — людьми, которым лес однажды поручил следить за тем, чтобы его старые правила соблюдались. Взамен семья получила право жить здесь и пользоваться тем, что лес давал. Правда, у всякого дара, как выяснилось, имелась обратная сторона.

— Они сказали, что хранитель не может просто уйти, — продолжил Дмитрий. — Пока не найдёт того, кто займёт его место.

— И ты поверил?

— Не сразу. Я решил, что это от усталости. Но потом они назвали фамилию Алексея.

Я посмотрела на Дмитрия.

— Катков?

— Нет. Фёдоров. Алексей Фёдоров.

Дмитрий помолчал и добавил:

— Они сказали, что он скрывает фамилию, потому что не хочет, чтобы его связывали с семьёй. И что он привозит сюда людей не только ради походов.

Я хотела спросить, почему же овощи решили поведать эту историю именно ему, но Дмитрий пожал плечами. Они, как он выразился, «сами выбрали момент». Объяснять причины своего выбора овощи не стали. Вероятно, считали, что и без того сообщили достаточно.

Мы добрались до следующей стоянки ближе к вечеру. Место оказалось просторнее предыдущего: неподалёку виднелась вода, а среди деревьев нашлось несколько подходящих площадок под палатки. После долгих обсуждений мы определились, где будет общий лагерь, где поставить палатки и куда сложить дрова.

Рыбаков взялся обучать меня и Татьяну колке дров. Он объяснял всё с терпением инструктора по плаванию, который впервые обнаружил, что ученики намерены войти в воду с топором.

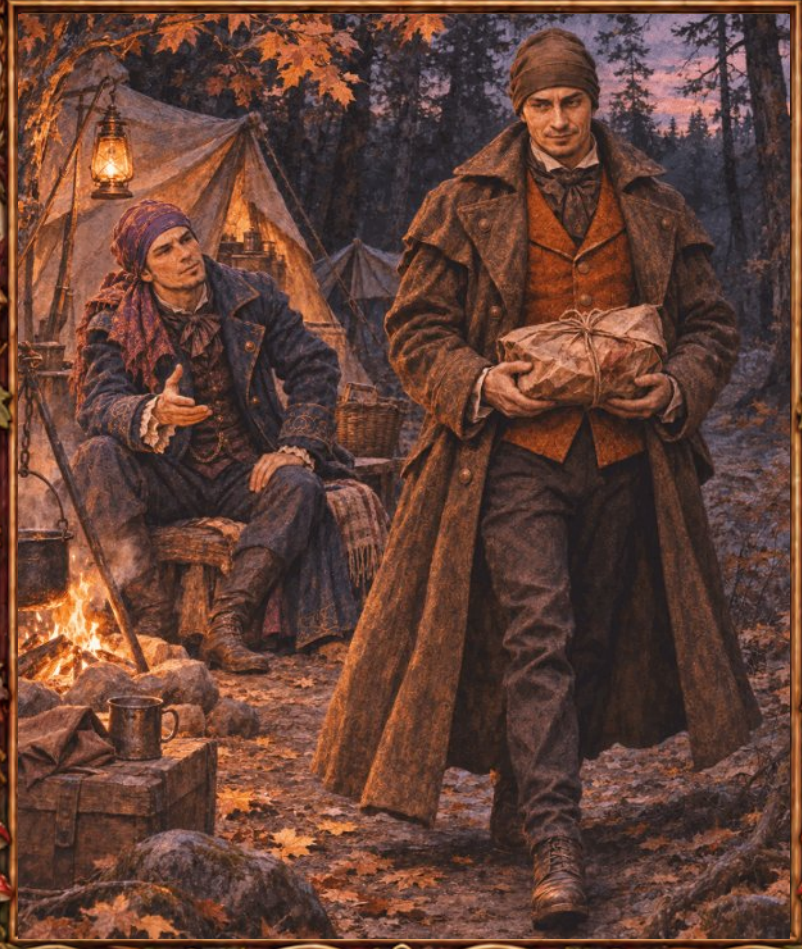
— Ноги шире. Топор держи крепче. Не смотри на полено так, будто оно тебе что-то должно.

— А оно должно? — спросила Татьяна.

— В идеале — расколоться.

Рыбаков взялся обучать меня и Татьяну колке дров

Катков вернулся из сумерек со свёртком мяса

У Рыбакова это получалось легко. Он двигался уверенно, без лишнего напряжения, и было видно, что руки помнят не только сегодняшнюю работу. Мы с Татьяной справлялись с переменным успехом. В конце концов дрова были заготовлены, хотя некоторые поленья, судя по их состоянию, могли бы ещё долго сопротивляться.

Катков тем временем занимался своими делами. Он не торопился, не суетился и, как всегда, выглядел человеком, который заранее знает, чем закончится любой разговор.

За мясом он отправился только после того, как лагерь был устроен и основные приготовления закончены.

Вернулся он уже в сумерках.

В руках у него был свёрток, завёрнутый в плотную бумагу и перевязанный бечёвкой. От него тянуло сладковатым, тяжёлым запахом, который я сперва приняла за запах пряностей, а потом — за что-то совсем другое.

— Ну что, добыча? — спросил Рыбаков.

— Мясо, — ответил Катков.

Он положил свёрток на край стола и принялся развязывать узел. Бумага оказалась влажной насквозь. Под ней обнаружились крупные куски мяса, залитые густым тёмно-красным маринадом. В нём плавали травы и какие-то мелкие тёмные крупинки. Цвет у маринада был странный: не совсем бордовый, не совсем коричневый — такой, какой приобретает вода после долгого пребывания в старом железном сосуде.

Я невольно задержала взгляд на мясе. Куски были нарезаны неровно, некоторые — слишком крупно для обычного шашлыка. На одном из них сохранилась тонкая белая плёнка, напоминавшая сухожилие. Я не была знатоком мясного дела и не собиралась становиться им в тот вечер, но всё же мне показалось, что подобного продукта я прежде не встречала.

— Где взял? — спросила Ольга.

— Нашёл, — сказал Катков.

— В смысле купил? — уточнил Павел.

— Вроде того.

Разговор на этом закончился. Вероятно, никто не хотел показаться человеком, который портит ужин излишним любопытством.

Куски были нарезаны неровно, некоторые — слишком крупно для обычного шашлыка

Происхождение мяса оставили без вопросов, предпочтя прогулку к воде

В конце концов, мы находились в походе, а в походе происхождение некоторых продуктов принято выяснять лишь в самых крайних случаях.

Катков переложил мясо в котелок. Маринад медленно стекал по кускам, оставляя на металле тёмно-красные полосы. Мне показалось, что от него исходит слабый запах сырой земли.

Дмитрий, стоявший неподалёку, вдруг отступил на шаг.

— Не надо, — тихо произнёс он.

— Что не надо? — спросила Татьяна.

— Ничего.

Он посмотрел на котелок, затем на Каткова. Тот встретил его взгляд, но ничего не сказал.

Ужин мы решили отложить. Не потому, что мясо вызывало у кого-то серьёзные подозрения, — во всяком случае, вслух их никто не высказал. Просто к тому времени окончательно стемнело, и Катков предложил пройтись к воде.

До пирса было недалеко. Доски под ногами отсырели, и от озера тянуло холодом.

Вода казалась совершенно чёрной; только вдалеке, там, где лес подходил к противоположному берегу, иногда проступали слабые огоньки. Я узнала это место. Именно там мы видели свет в ночь у башни.

На этот раз огни не складывались в слово. Они стояли поодиночке, словно кто-то расставил их между деревьями, а затем отошёл полюбоваться результатом.

— Нам пора домой, — неожиданно сказал Павел.

— Мы ещё не закончили, — ответил Катков.

Он стоял у самого края пирса и смотрел на противоположный берег.

— Что именно не закончили? — спросила Ольга.

Катков не ответил. Вместо этого он произнёс слово, которого я до той минуты от него не слышала:

— Мама.

Из темноты за деревьями вышел высокий человек с густой бородой. В одной руке он держал топор. Тот самый, судя по всему, который местные называли ласковым. Борода незнакомца была так велика, что в ней, казалось, могли бы поселиться несколько мелких лесных животных, если бы те обладали достаточной отвагой и не дорожили собственным здоровьем.

На чёрном озере вновь мерцали огни; у пирса ждал человек с топором

Бородатый мужчина был его матерью.
Женщина в куртке — отцом

— Здравствуй, сынок, — сказал он.

Я посмотрела на Каткова, потом на незнакомца.

— Мама? — переспросила Татьяна.

— Да, — спокойно ответил Катков.

В этот момент из-за деревьев появилась женщина в обычной тёмной куртке. Она остановилась рядом с бородатым человеком и внимательно оглядела нас.

— Ты опять привёл людей, Алексей, — сказала она.

Голос у неё был сухой и властный. Так, вероятно, говорят люди, которым не требуется повышать голос, чтобы их слушались.

— Здравствуй, отец, — ответил Катков.

Я почувствовала, что в этой семейной истории есть нечто, требующее от меня дополнительных усилий для понимания.

Бородатый мужчина был его матерью. Женщина в куртке — отцом.

Тётя Фёдор, стало быть, действительно был мужчиной. И, что представлялось ещё более удивительным, матерью Алексея Каткова.

— А вы, значит, Дядя Фёдор? — осторожно спросила Ольга, обращаясь к женщине.

— Именно, — ответила та.

— Но…

— В семье всё сложно, — произнёс Катков.

Он сказал это без тени улыбки, и я решила, что шутка, вероятно, была старой. Возможно, даже семейной.

— Ты не должен был приводить их сюда, Алексей Фёдоров, — сказала женщина.

Вот тогда я поняла, что Дмитрий не ошибся.

— Катков, — поправил её Алексей.

— Фамилию можешь менять сколько угодно, — отозвался бородатый мужчина. — Лес всё равно знает, кто ты.

— Я не собираюсь возвращаться.

— Ты это уже говорил, — ответила Дядя Фёдор. — И каждый раз возвращался.

Тётя Фёдор опустил топор на доски пирса. Дерево глухо отозвалось под железом.

Тётя Фёдор опустил топор на доски пирса

— Я знаю, кто вы, — сказал Дмитрий

— Мама, я не хочу больше никого сюда приводить, — сказал Алексей.

— А мясо? — спросила она.

Он посмотрел в сторону лагеря.

— Я принёс то, что требовалось.

— Не то, что требовалось, — поправил Дядя Фёдор. — То, что ты привык приносить.

Вода у пирса едва заметно колыхнулась. Огоньки на противоположном берегу стали ярче, и на мгновение мне показалось, что между ними проступили очертания человеческих фигур.

Дмитрий выступил вперёд.

— Я знаю, кто вы, — сказал он.

Все повернулись к нему.

— И откуда же? — спросила Дядя Фёдор.

— Мне рассказали.

— Кто?

Дмитрий помедлил.

— Овощи.

Наступила тишина.

Я ожидала, что кто-нибудь рассмеётся. В другой обстановке это было бы вполне естественно. Но ни Катков, ни его родители не проявили ни малейшего удивления.

Тётя Фёдор даже кивнул, словно услышал имя старого знакомого.

— Значит, проснулись, — произнёс он.

— Они сказали, что вы хранители этого места. И что Алексей должен найти себе замену.

— Не должны были они тебе этого говорить, — сказал Дядя Фёдор.

— Почему?

— Потому что не всякое знание помогает человеку.

— А иногда помогает, — возразил Дмитрий. — Они рассказали ещё и про комету.

Алексей резко повернулся к нему.

— Что именно?

— Что есть срок. И что проклятие можно снять. Не передать другому, а снять совсем.

Родители не удивились ничему — кроме пробуждения говорящих овощей

В две тысячи двадцать седьмом году над лесом появится комета

Дядя Фёдор впервые за всё время изменился в лице. Он не стал ни сердиться, ни угрожать. Только крепче сжал рукоять топора.

— Они сказали тебе про год? — спросил он.

— Две тысячи двадцать седьмой. Октябрь. Когда над лесом появится комета.

— Не комета, — тихо произнёс Алексей. — Она не должна была…

— Должна, — перебила его Дядя Фёдор. — Лес помнит её лучше, чем ты.

Дмитрий продолжал говорить, будто боялся потерять нить рассказа:

— Они сказали, что комету называют Фёдоровой. Она возвращается не каждый год, а только тогда, когда приходит срок старого договора. В ту ночь можно разорвать связь между семьёй и лесом. Но для этого нужно выполнить три условия.

— И какие же? — спросила Татьяна.

Дмитрий посмотрел на Алексея.

— Первое: вернуть лесу его дар. Мясо нельзя оставить себе. Его нужно отдать земле, из которой оно пришло.

— Второе? — спросил Павел

— Назвать настоящее имя хранителя. Не Катков, а Фёдоров. Он должен сам произнести его перед лесом и отказаться от прежнего договора.

Алексей опустил голову.

— А третье? — спросила Ольга.

— Не найти замену. Не передать проклятие другому человеку. Если он попытается назначить нового хранителя, договор начнётся сначала.

На этот раз никто не заговорил.

Я посмотрела на Алексея. Впервые за всё время он казался не человеком, который знает ответы на все вопросы, а человеком, который слишком долго ждал, когда ему наконец зададут правильный.

— Ты привозил сюда группы, чтобы выбрать кого-то из нас? — спросила я.

Он не стал отрицать.

— Я искал того, кто согласится остаться.

— А если бы согласился?

Чтобы разорвать связь между семьёй и лесом нужно выполнить три условия.

«Договор заключали не для того, чтобы его нарушали по прихоти» - сказал тётя Фёдор

— Тогда лес отпустил бы меня.

— А тот, кто остался бы?

Алексей посмотрел на воду.

— Стал бы хранителем.

Тётя Фёдор шагнул ближе.

— Не всё так просто, сынок. Договор заключали не для того, чтобы его нарушали по прихоти.

— Я не заключал его, — сказал Алексей.

— Зато родился в семье, которая его заключила.

— И сколько ещё поколений должно за это расплачиваться?

— Пока лес не сочтёт долг возвращённым.

Дядя Фёдор скрестила руки на груди.

— Ты знаешь, что будет, если не выполнить условия.

— Знаю.

— Тогда зачем привёл сюда людей?

— Потому что надеялся, что среди них найдётся тот, кто захочет остаться. И потому что не знал о комете.

— А теперь знаешь, — сказал Дмитрий.

Алексей посмотрел на него. В его взгляде было что-то такое, чего я прежде не замечала: не страх, а почти болезненная надежда, которую человек не решается признать даже перед самим собой.

— Если овощи не ошиблись, — произнёс он, — у меня ещё есть год.

— Овощи не ошибаются, — сказал Дмитрий.

— Удобное свойство, — заметила Татьяна.

Никто не засмеялся, хотя, на мой взгляд, повод был.

Тётя Фёдор поднял топор.

— До следующего октября, Алексей Фёдоров, — сказал он. — В ту ночь ты назовёшь своё имя перед лесом. И если комета действительно придёт, у тебя будет возможность закончить то, что начали наши предки.

— А если не придёт?

— Тогда лес подождёт.

— А я?

— А ты тоже.

Он сказал это без злобы.

- До следующего октября, Алексей Фёдоров!

Мы двинулись обратно

Скорее с той суровой нежностью, которая бывает у родителей, уверенных, что лучше знают, сколько ещё должен потерпеть их ребёнок.

Алексей долго смотрел на мать. Потом перевёл взгляд на отца.

— Я больше не буду искать замену.

— Посмотрим, — ответила Дядя Фёдор.

— Не надо смотреть. Я сказал.

Тётя Фёдор ничего не ответил. Он лишь протянул руку и поправил ворот куртки сына — жест настолько обыкновенный, что на фоне всего происходящего показался почти неуместным.

Затем он повернулся к лесу.

— Вам пора возвращаться к стоянке, — сказал он нам. — Сегодня больше ничего не случится.

— А завтра? — спросила Ольга.

— Завтра будет завтра.

Это был, пожалуй, самый исчерпывающий ответ, который мы получили за весь поход.

Мы двинулись обратно.

Алексей задержался у пирса ещё на несколько секунд. Я обернулась и увидела, что его родители стоят рядом: высокий бородатый мужчина с топором и женщина в тёмной куртке. Они не обнимались и не прощались. Просто смотрели ему вслед.

Уже у поворота тропы я услышала короткий звук — будто топор ударил по дереву. Потом ещё один. И ещё.

Алексей догнал нас у стоянки. О мясе никто не заговорил. Свёрток остался там, где его оставили, и мы так и не узнали, что именно Катков собирался с ним делать.

Ночь прошла спокойно. По крайней мере, настолько спокойно, насколько вообще может пройти ночь после знакомства с собственной матерью человека, который до этого несколько дней представлялся другой фамилией, и после разговора с овощами о семейном проклятии.

Дмитрий перед сном достал из рюкзака картофелину, внимательно посмотрел на неё и положил обратно.

— Что-нибудь сказали? — спросила я.

— Нет. Теперь молчат.

— И что это значит?

Я услышала короткий звук — будто топор ударил по дереву

Где-то там оставались Тётя Фёдор и Дядя Фёдор

— Не знаю. Наверное, ждут.

Он застегнул рюкзак и лёг спать.

Я ещё долго смотрела на тёмные очертания деревьев за палаткой. Где-то там оставались Тётя Фёдор и Дядя Фёдор. А над всем этим, невидимая за облаками, была осень следующего года.

До кометы оставалось одиннадцать месяцев.

Часть пятая
25 октября

На стоянке пахло жареным мясом.

Запах был густым, тёплым, с едва заметной сладковатой нотой. Он проникал под полог палатки, заставляя просыпаться быстрее обычного. После нескольких дней похода такой аромат обещал завтрак, ради которого стоило выбраться из тёплого спальника, несмотря на холодное октябрьское утро.

Я высунула голову из палатки и увидела Каткова у костра. Он стоял спиной к нам и с таким сосредоточенным видом помешивал содержимое котелка, словно от этого зависела не только наша трапеза, но и дальнейшая судьба Валдайского края.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе, — ответил Катков, не оборачиваясь. — Завтрак почти готов.

На костре действительно готовилось мясо.

Катков помешивал мясо в котелке

— А откуда у нас мясо? — спросила Ольга

По крайней мере, именно так оно выглядело: крупные куски, подрумяненные снаружи, источали тот самый запах, который ещё минуту назад заставлял меня покинуть спальник без всяких уговоров.

Постепенно выбрались остальные. Рыбаков, застёгивая куртку, первым подошёл к костру. Татьяна Демьянова оценила содержимое котелка с профессиональным интересом человека, который привык заранее знать, сколько еды осталось и на сколько человек её хватит. Павел Ратников ещё не вполне проснулся, но запах, по-видимому, помог ему быстрее восстановить связь с окружающим миром. Дмитрий Самсонов молча присел рядом.

— А откуда у нас мясо? — спросила Ольга.

Катков наконец обернулся.

— Из леса.

— Это мы уже поняли, — заметила Татьяна. — Интересует, откуда именно.

— У леса много тайн, — ответил Катков. — Не все из них стоит раскрывать до завтрака.

Он произнёс это совершенно спокойно, и спорить с ним на голодный желудок никто не стал.

Когда завтрак был готов, Катков разложил мясо по тарелкам. Я попробовала первый кусок. Вкус оказался необычным: плотным, насыщенным, с оттенком, который я не могла отнести ни к одному знакомому мне виду мяса. Впрочем, после нескольких дней походной еды я была готова признать за любым горячим завтраком право на некоторую загадочность.

— Очень вкусно, — сказала Ольга.

Остальные подтвердили это с разной степенью выразительности. Даже Татьяна на некоторое время отложила свои обычные хозяйственные заботы.

Я посмотрела на Каткова. Он ел неторопливо, почти не обращая внимания на нашу реакцию.

— Слушай, а где ты всё-таки взял это мясо?

Катков поднял глаза.

— На кладбище.

На несколько секунд воцарилась тишина.

Павел перестал жевать. Рыбаков медленно опустил вилку. Татьяна посмотрела сначала на свою тарелку, потом на Каткова. Ольга, кажется, впервые за всё утро пожалела, что задала вопрос.

Мы узнали, что Катков принес мясо с кладбища

Кладбищенские могильники оказались тем, что мы приняли за мясо

— А на каком ещё кладбище? — уточнила я.

— На старом. Здесь неподалёку.

Катков произнёс это с таким невозмутимым видом, будто речь шла о ближайшем продуктовом магазине.

— Ты хочешь сказать, что мы сейчас едим… — начала Ольга.

— Грибы, — подсказал Катков. — Могильники.

Он объяснил, что в этих местах растут особые грибы, которые местные называют могильниками. Они появляются на старых захоронениях, причём, насколько ему было известно, встречаются только здесь, в Валдайском крае. По форме и цвету они напоминают куски сырого мяса, а после приготовления становятся почти неотличимы от обычного жареного мяса.

— И ты собрал их на кладбище? — спросил Павел.

— Именно.

— Сам?

— Сам.

Татьяна осторожно отодвинула тарелку на несколько сантиметров.

— А почему ты не сказал нам об этом раньше?

— Вы бы стали есть?

Татьяна посмотрела на оставшийся кусок. Ответа не последовало.

Катков рассказал, что с могильниками связана старая местная легенда. Считалось, что эти грибы впитывают воспоминания тех, кто похоронен под ними. Не просто отдельные образы или случайные мысли, а целые фрагменты чужой жизни: привычки, страхи, радости, лица близких, слова, которые человек не успел произнести.

Поэтому местные никогда не относились к ним как к обычным грибам. Их собирали, приносили в лес и возвращали земле. Никто не продавал их и не хранил про запас. Считалось, что лесу следует отдавать то, что принадлежит ему.

— А есть их можно? — спросил Рыбаков.

— Как видите, можно, — ответил Катков.

— Я имею в виду, что происходит с человеком после этого?

Катков помолчал.

Катков рассказал, что с грибами связана старая местная легенда

Я не знаю, в какой момент со мной произошло первое изменение

— По преданию, человек на некоторое время может принять чужие воспоминания за собственные. Иногда ему начинает казаться, что он прожил другую жизнь. А иногда…

Он не договорил.

— Иногда что? — спросила я.

— Иногда он вспоминает, что никогда не был человеком.

Мы переглянулись.

Катков улыбнулся и доел свой завтрак.

Я не знаю, в какой момент со мной произошло первое изменение. Возможно, ещё за столом, когда я отложила вилку и вдруг почувствовала, что запах дыма стал не просто запахом, а чем-то знакомым, почти родным. Или чуть позже, когда мы начали собирать вещи и я обнаружила, что совершенно не помню, о чём собиралась подумать.

Сначала возникло воспоминание.

Я увидела небольшую комнату с окном, по которому стекали дождевые капли. На подоконнике стояла чашка с тонкой трещиной возле ручки. На столе лежали письма, перевязанные бечёвкой.

У стены висело старое пальто. Я знала, что оно принадлежало человеку, который давно не возвращался домой.

Я не знала его имени. Не знала, где находилась эта комната и почему мне так знакомо расположение вещей. Но чувство было совершенно определённым: я скучала по этому человеку. Давно, терпеливо и без надежды.

Потом воспоминание исчезло, оставив после себя странную пустоту.

Я посмотрела на свои руки. Они казались мне слишком сложными и неудобными. Я вдруг подумала, что у гриба нет необходимости держать в руках кружку, завязывать шнурки, проверять содержимое рюкзака и помнить, в какой карман убрала телефон.

Эта мысль показалась мне удивительно разумной.

Я почувствовала землю под ногами. Не просто твёрдую поверхность, на которой стояла, а целый мир — влажный, прохладный, наполненный корнями, тонкими нитями и едва заметным движением. Казалось, что подо мной простирается бесконечная сеть, связывающая деревья, траву, грибы и всё, что когда-либо возвращалось в землю.

Я ощущала её не глазами и не ушами.

Казалось, что подо мной простирается сеть, связывающая деревья, траву и грибы

Я стала грибом

Скорее, знала о ней так же естественно, как прежде знала, что мне холодно или хочется пить.

И постепенно мне стало казаться, что я тоже принадлежу этой сети.

Я была грибом.

Не человеком, который вообразил себя грибом, а именно грибом — частью большого подземного сообщества, которому не требовалось никуда идти, ничего доказывать и ни о чём беспокоиться. Я могла просто находиться здесь. Расти. Принимать влагу. Передавать другим то, что знала.

Впервые за долгое время мне не хотелось проверять маршрут, смотреть на часы или думать о том, сколько километров осталось до конца перехода.

Я даже не была уверена, что у грибов существует понятие конца перехода.

Где-то рядом Рыбаков стоял возле дерева и положил ладонь на его ствол. Он смотрел вверх, на ветви, и выглядел так, словно только что обнаружил нечто чрезвычайно важное.

— Ты как? — спросила я.

Рыбаков повернулся ко мне не сразу.

— Кажется, понял, — произнёс он.

— Что именно?

— Что всё связано. Дерево, земля, грибы… Люди, которые здесь жили. Те, кого уже нет. Ничего ведь не исчезает окончательно.

Он снова посмотрел на дерево.

— Мы всё время думаем, что каждый существует отдельно. А на самом деле…

Рыбаков замолчал. Возможно, он собирался продолжить мысль, но в этот момент его внимание привлёк какой-то сучок на стволе. Он осторожно коснулся его пальцем, словно здоровался со старым знакомым.

Я решила не мешать.

Павел тем временем вёл себя ещё более необычно. Он стоял на открытом месте, периодически поворачивался вокруг своей оси и смотрел вверх. Потом поднял обе руки, словно пытался поймать что-то невидимое.

— Павел, ты что делаешь? — спросила я.

Павел тем временем вёл себя ещё более необычно

Павел отправлял грибную весть в космос, надеясь не сбиться с частоты

Он посмотрел на меня с выражением человека, которого отвлекли от чрезвычайно важного занятия.

— Передаю.

— Что передаёшь?

— Сигнал.

— Кому?

— В космос. Другим грибам.

Я некоторое время молчала, пытаясь понять, шутит ли он.

— Другим грибам?

— Да. Я же теперь не просто гриб. Я ещё и радиоволна.

Он произнёс это с такой убеждённостью, что я не решилась уточнять, каким именно образом ему удалось совместить эти два состояния.

— И что ты им сообщаешь?

— Что в нашем лесу есть жизнь.

Павел снова поднял голову и вытянул руки.

— Пусть знают, что здесь происходит. Вдруг они давно пытаются выйти на связь.

— А ты думаешь, они тебя услышат?

— Конечно. Для этого и передаю.

Он сделал небольшую паузу.

— Главное — не сбиться с частоты.

Я посмотрела на него и впервые за всё утро почувствовала, что человеческая логика, возможно, не является единственным способом объяснять происходящее. В конце концов, если я могла быть грибом, то Павел вполне имел право быть грибом и радиоволной одновременно.

Татьяна сидела на поваленном стволе и смотрела на землю. Она провела ладонью по мху, затем подняла глаза.

— Забавно, — сказала она. — Мы столько времени переживали, хватит ли нам еды, воды, сил. А земле, похоже, всё равно, сколько у нас осталось запасов.

Она произнесла это без привычной деловитости. В её голосе не было ни тревоги, ни раздражения. Только спокойное удивление.

Дмитрий стоял неподалёку. Он выглядел задумчивым, но не испуганным. Катков же наблюдал за нами с выражением человека, который заранее знал, что именно произойдёт, но предпочёл не портить сюрприз.

Катков наблюдал за нами

К счастью, человеческая память оказалась крепче грибного очарования

В какой-то момент я поняла, что больше не хочу возвращаться к обычным делам. Мне не хотелось собирать рюкзак, идти по тропе, ехать в электричке, открывать дверь квартиры и снова становиться человеком со всеми его обязательствами.

Здесь всё было проще.

Здесь не существовало расписаний, рабочих писем, списков покупок и необходимости помнить, кому обещала позвонить. Я могла оставаться частью земли, а всё остальное постепенно становилось чем-то далёким и несущественным.

Мне даже начало казаться, что это и есть настоящее освобождение.

К счастью, человеческая память оказалась крепче грибного очарования.

Постепенно ощущения ослабли. Сначала вернулось понимание собственного тела, затем — привычная последовательность мыслей. Я снова почувствовала холодный воздух, тяжесть одежды и неудобство походной обуви. Земля под ногами перестала казаться бесконечной сетью, хотя ощущение связи с ней ещё некоторое время сохранялось.

Павел опустил руки.

— Кажется, передача завершена, — сообщил он.

— Получили ответ? — спросила я.

— Пока нет. Но это не значит, что его не будет.

Рыбаков отнял ладонь от дерева и посмотрел на нас так, словно ему было немного жаль возвращаться к разговору на человеческом языке.

Татьяна поднялась со ствола и принялась собирать свои вещи. Через несколько минут к ней присоединились остальные. Постепенно лагерь исчезал: палатки складывались, спальники убирались в чехлы, посуда занимала привычные места в рюкзаках. Лес снова становился просто лесом, хотя после всего произошедшего слово «просто» казалось мне не вполне уместным.

Катков последним проверил место стоянки. Он задержался у кострища, посмотрел на землю и слегка кивнул — то ли самому себе, то ли кому-то, кого мы не могли видеть.

Затем мы отправились обратно.

Дорога до Москвы прошла без особых происшествий.

Стоянка исчезла без следа, но лес оставил след в каждом путнике

Мы ехали и постепенно возвращались к привычному представлению о себе

Мы ехали, разговаривали о походе, вспоминали отдельные эпизоды и постепенно возвращались к привычному представлению о себе. Никто больше не объявлял себя грибом, хотя Павел время от времени поглядывал в окно с таким видом, будто прислушивался к далёкому сигналу.

В Москве мы выгрузили рюкзаки, попрощались и разъехались по домам. Поход закончился так же, как заканчиваются многие походы: уставшие люди разошлись по своим квартирам, оставив за спиной лес, палатки, костры и несколько дней, которые ещё долго будут вспоминаться в разговорах.

Только завтрак 25 октября я вспоминала с особенным чувством.

И не столько из-за вкуса мяса.

Павел, как я узнала позднее, был совершенно уверен, что его сигнал дошёл до адресатов. Он даже предполагал, что ответ задерживается из-за расстояния или каких-то технических трудностей на принимающей стороне.

Я не стала его разубеждать.

В конце концов, если где-то далеко, среди звёзд, действительно существует грибная цивилизация, ей стоило знать, что на Валдае есть жизнь.

И что мясо там по-прежнему свежее.

Московская суета вернулась; вопрос о грибной цивилизации остался открытым